

Глубочие гнездо

Полина Максимова

INSPIRIA
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Максимова, Полина.

М17 Плавучие гнезда / Полина Максимова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-228809-8

Льды тают, вода поднимается, города медленно тонут. Молодые супруги Анна и Петр делят свое прибрежное жилье с парой климатических беженцев — Софией и Львом. Недоверие друг к другу сменяется осторожным сближением, пока за окнами надвигаются шторма. Однажды Анна обращается ко Льву с необычной просьбой, и отношения между парами запутываются. Когда буря достигает пика, переплетенные судьбы четырех людей тоже подходят к переломному моменту.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228809-8

© Максимова П., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ В МОРЕ

София

— У кольских саамов есть одна легенда о сотворении мира. Когда-то у Бога было два начала — добро по имени Иммель и зло по имени Перкель. Когда Бог решил сотворить землю, Иммель хотел, чтобы во всех реках текло молоко, повсюду росли цветы и ягоды. Но Перкель настоял на том, чтобы мир выглядел по-другому, таким, каким мы и привыкли его видеть. Для этого ему пришлось сковать Иммеля железными цепями и похоронить его под большой горой, чтобы тот не мешал.

Лев посмотрел на меня. Он улыбнулся и прикрыл глаза, он любил мои истории. Мой муж был как ребенок.

Я продолжала:

— Пока Иммель лежал под горой, он накопил столько сил, что смог опрокинуть эту гору и разорвать сковавшие его цепи. Когда у Иммеля получилось освободиться, уже он заточил Перкеля под гору. Так началась борьба добра со злом. Во время этой великой битвы земля тряслась и переворачивалась, вода вышла из берегов рек и озер и затопила всю сушу. Люди погибли, но Иммелю удалось спасти двух детей — мальчика и девочку. Он отнес их на самую высокую гору, известную теперь у саамов как Божья гора. Когда беда отступила, добро

победило зло, Иммель послал птиц, и они достали затопленную глубоко под водой землю, впиваясь в нее своими клювами. За это время мальчик и девочка выросли, и у них пошло собственное потомство. Так появились мы — люди, населяющие землю сегодня.

Лев открыл глаза и нахмурился. Он тихонько пихнул меня в бедро голой стопой. Я посмотрела на него и закатила глаза. Девушка, чуть помладше меня, ровесница Льва, всхлипнула и застонала. Ее голова лежала у меня на плече, и голой кожей я почувствовала, что из ее глаз полились слезы. Вода была повсюду, мы все состояли из воды, и я подумала, если эта девушка будет плакать весь наш путь до берега, то она сама вся вытечет и закончится. Такая же соленая, как слезы, она упадет в Белое море за нашим бортом и исчезнет. Ни костей, ни кожи, ни волос, ни крови — ничего от нее не останется. Только вода, которая смешается со всей этой водой вокруг.

Девушка и правда вся была мокрая, и мне захотелось отстраниться от нее, но я обещала ей утешение, обещала рассказать какую-нибудь интересную историю. Но в этот момент, как назло, я вспомнила только саамскую легенду о сотворении мира, которую перед сном мне когда-то читала мама. Ничего другого в голову не лезло. Это все из-за мамы, из-за ее любви к полуострову.

— Простите. Не умею я утешать.

— Ничего, продолжайте. Мне нравится ваша история. Вы красиво говорите, — прохрипел мужчина. Он лежал на полу, свернувшись в клубок, точно эмбрион. Думаю, он умирал. Он был весь в поту, его била дрожь. Наверное, он до конца оставался на затопленной части Кольского и заболел из-за сырости и холода, которые проникли в каждый дом на побережье. А может быть, он подхватил заразу

от комаров или крыс, которые плодились на полуострове как сумасшедшие все последние месяцы.

В нашей каюте стоял запах рвоты. Мужчину часто тошнило, и в первые несколько раз я за ним убирала, но больше у меня не было сил. Врач дал ему какое-то лекарство, но я предполагаю, что оно сразу же вышло, не подействовав.

Так мы и сидели: я рядом с незнакомой девушкой на моей койке, Лев на койке напротив. Он вытянул ноги и поглаживал меня своей стопой. На полу между нами лежал мужчина, он просил его не трогать, и мы все делали вид, что это нормально — не помогать ему, позволять ему умирать в крошечной каюте на холодном полу. В иллюминаторе я видела, каким густым и плотным был туман, уши заложило от гула, который исходил от двигателя нашего судна, а возможно, это из самых недр до нас доносился печально-протяжный стон Земли. Мы были как ледокол, только рассекали бесконечную белую пелену.

— Спасибо вам. Но я как раз закончила.

Я прокашлялась. Мокрота клочкотала в горле, будто я наглоталась тумана, который просочился в щели трюма. Еще чуть-чуть и я сама буду выдыхать белый туман, словно дым электронной сигареты.

— Потоп ведь не длился вечно. — Я все-таки попыталась успокоить девушку. — В конце концов, добро победило зло. Люди выжили и принесли новое потомство.

Я старалась говорить мягко, поглаживала девушку по завиткам ее влажных волос. Мелкие кудряшки пружинили под моими пальцами, и я не могла перестать их перебирать. Ее волосы напомнили мне волосы Льва, которых я давно уже так не касалась.

Полина Максимова

— Но они-то могли принести новое потомство, а мы с вами не можем, — прошептала девушка в мое плечо.

Ее горячее дыхание обожгло кожу, а слова забрались в пустоту моего живота, пустоту моей утробы.

Лев смотрел на меня, и я смотрела на него. Он улыбнулся одним уголком рта, я тоже попыталась, но не смогла себя заставить сделать это. Мои губы ползли вниз, их тянуло на дно.

— А откуда вы знаете легенду саамов? — вдруг подал голос мужчина. Он постепенно затихал, его дрожь отступала, и я думала, сознание тоже его покидает.

— Моя мама из Ловозера, ее предки были саамами.

— Ваша мама из Ловозера? Ее нет на судне?

— Нет.

— Она осталась там?

— Она пропала незадолго до затопления. И я не знаю, где она.

— Она могла уехать в безопасное место, не сказав вам? — это уже спросила девушка.

— Нет. Она слишком любила полуостров и говорила, что уйдет под воду вместе с ним.

Мужчина что-то прохрипел, но я не разобрала. Девушка зарыдала у меня на плече, возможно, она тоже потеряла кого-то из близких во время череды наводнений на Кольском. А может быть, кто-то у нее остался там, отказавшись переселяться в Архангельск вместе с нами, как и моя мама.

Скорее бы добраться до берега. Скорее бы Иммель послал за землей птиц.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ГАВАНЬ

Гавань — место у морского берега, защищенное от ветра и волн.

Анна

Весь день моросило, и из-за тумана было не видно, что там вдалеке. Окна у нас выходили на реку, вернее, это уже будто и не река была вовсе, а бесконечное белое море.

Муж пошел на Морвокзал встречать судно с *ними* — беженцами с Кольского полуострова, где затопления уже начались. Я с самого утра занималась домом: пропылесосила, помыла полы, вытерла пыль, испекла фокаччу — оливки, маслины и консервированные томаты. Сегодня у нас будет вино, должно быть по крайней мере, муж обещал принести.

Каждый раз, проходя мимо окна, я останавливалась и вглядывалась в туманно-водную даль, пытаюсь разглядеть, не появилась ли наконец на горизонте точка — судно с *ними*. Точка пока не появилась, но, может быть, она прячется за всей этой белой мутью, может быть, судно ближе, чем я думала.

Я ничего не ела со вчерашнего вечера, муж позавтракал консервами с тунцом в собственном соку и солеными огурцами, выпил кофе. Я любила, когда в квартире пахнет едой, это напоминало мне о маме и папе, о нашем доме. Свой собственный обустроить я так и не смогла.

Сегодня пропал наш кот. Зря Петя разрешал ему выходить на улицу, гулять самому по себе, это ведь все-та-

ки домашний кот. Я была уверена, что однажды мы его потеряем. Но только бы не сегодня. День и так ожидался тяжелым, совершенно неподъемным.

Закутавшись в Петин флисовый джемпер, я вышла через балкон в наш маленький палисадник. И кто придумал строить дома с палисадниками в северных широтах? Я еще раз оглядела реку. На набережной толпились люди, наверное, тоже высматривали судно. У Морвокзала, скорее всего, уже поставили палатки, где волонтеры будут выдавать теплые вещи и сухпак, уже подогнали автобусы для развозки беженцев в их новые дома.

Муж обещал разобраться, напомнила я себе, обещал, что к нам не подселят мужчину. Я бы хотела, чтобы это была одинокая пожилая женщина или в крайнем случае семейная пара, ведь мне придется подолгу оставаться наедине с нашими новыми жильцами.

Петя — моряк, второй помощник капитана на контейнеровозе, поэтому его не бывает дома по несколько месяцев. Ходят они по Северному морскому пути до самого Китая, везут продукты и лекарства в такие труднодоступные места, куда невозможно организовать никакую другую доставку. Обратный путь он возвращается с грузом из Азии и Владивостока. Часто оттуда Петя привозит что-нибудь интересное, чего у нас в магазинах уже давно нет. В прошлый раз ему удалось достать японский джин.

Где же этот чертов кот? Я все никак не могла привыкнуть к нему, забывала покормить. Хотела бы я сказать, что это все потому, что кот вечно где-то таскается, вечно не дома. На самом деле это я не следила за его миской, не замечала, когда та пустеет.

Но я ни в коем случае не должна была его потерять, иначе подведу Петю. Он так любит этого кота. Уж точно больше,

чем я. По крайней мере он называет кота не просто котом, а по имени — Моби Диком. Петя сам придумал ему кличку.

Наверняка бедный кот сейчас бродит где-то голодный и добывает себе еду.

Я положила остатки тунца в миску и вышла в палисадник позвать его:

— Ко-о-от! Моби Дик!

И в самом деле кот явился из-за кустов, облизываясь и щурясь то на один желтый глаз, то на другой. Я поставила миску на влажную траву, кот принялся, но есть не стал. Он пробежал мимо меня и пропал в темноте дома. Сегодня я не включала свет, чтобы лучше видеть реку.

Я направилась к кустам, откуда вышел Моби Дик. Присев на корточки, раздвинула ветви — на земле лежала разодранная птица. Ее грудка была вспорота и обглодана до кости. Вот чем пообедал Моби Дик. Я вздохнула и подумала о том, что делать с птицей, надо ли ее хоронить или просто оставить здесь, под кустом. Нет, птица приведет в палисадник других животных или чает, ворон, от этой маленькой мертвой птички надо избавиться. Скажу о ней Пете, когда он вернется.

Встав, я вернулась к дому. У входа на балкон обернулась, чтобы еще раз взглянуть на реку. Туманная муть над водой расступилась, и на ее фоне приобретала четкость большая ржавая посуда. Росла она прямо на глазах, как в том фильме с Моникой Витти. В фильме «Красная пустыня».

Они прибывают.

Интересно, сколько судно шло от Кольского полуострова до Архангельска? Вряд ли слишком долго. Это не сравнится с тем, как надолго уходит в море мой муж. В послед-

ний раз он был в рейсе почти полгода. Не везде сейчас есть оборудованные порты, поэтому приходится разгружаться медленнее, чем обычно. Из-за этого они подолгу стоят в одном и том же населенном пункте. К тому же добираться до суши становится все сложнее. Да, льды на Северном морском пути тают, и казалось бы, проходимость должна стать лучше, но из-за прибывающей воды меняются моря и реки, и даже лопманы уже не могут предусмотреть все опасные участки и не всегда знают, как их обойти.

Совсем скоро Петя снова уйдет в рейс, и неизвестно точно, сколько это продлится теперь.

Люди на набережной засуетились, стали махать проходящему судну. Мне было немного стыдно за то, что я не так приветлива, не присоединилась к остальным, не встречаю их вместе с Петей. Все-таки люди лишились своих домов. Вряд ли они когда-нибудь смогут вернуться на Кольский.

Я зашла на кухню через балкон, хотела посмотреть, точно ли все готово к их прибытию. Пахло свежим хлебом и розмарином, его веточками я украсила блюдо с фокаччей. Мама любила розмарин, она учила меня добавлять его везде — в баранину, в жареную картошку и даже в шампунь, чтобы волосы росли длинными и густыми. Я всегда следовала ее советам, моя мама была мудрой женщиной, всю свою жизнь она посвятила семье. Папу она по-настоящему боготворила, как и я, поэтому я очень переживала, когда знакомила маму с Петей. Мне так хотелось, чтобы она признала: Петя похож на моего отца. Мне так хотелось, чтобы она это заметила.

С Петей мы ходили в одну школу, но влюбились друг в друга после встречи в типографии. Я подрабатывала в ней, когда училась на педагогическом, но в итоге не за-

хотела быть учительницей, поэтому осталась здесь и после выпуска. Хотя тратить свою жизнь на печать чужих курсовых я тоже не собиралась.

В нашем офисе в сыром темном подвале едва уместались четыре стола, заваленных стопками макулатуры. Кругом запах краски и нескончаемый шум принтеров. На самом деле наша компания владела не только типографией, но и небольшим издательством, мы даже выпускали собственные книги, но я не сильно в это вникала, потому что от меня требовалось только принимать заказы и распечатывать клиентам все, что они попросят. Подвал наш располагался между корпусами двух университетов сразу, и у нас были самые низкие цены, поэтому все студенты шли к нам. В течение года они просили меня распечатать доклады, рефераты, даже набранные мелким шрифтом тексты шпаргалок, ближе к лету — курсовые. А еще мы переплетали им дипломы и диссертации, у нас было больше двадцати вариантов расцветок и материалов — зеленый шелк, синий крокодил, бордовый крокодил, черный, алый, слоновая кость и так далее, и на каждом из них можно было сделать тиснение.

Однажды жарким летним днем, каких теперь в Архангельске не бывает, я выбралась на свет из нашего подвала за чем-нибудь освежающим. Кафе, где сотрудникам типографии делали скидку, находилось буквально за соседней дверью. Я скрылась за ней, как раз когда мимо проходил Петя. Он спустился к нам в подвал и уже расспрашивал по поводу переплета диплома моего коллегу, который сидел за соседним столом. Если бы в кафе была очередь, если бы в кофемашину надо было засыпать зерна, если бы у бариста не было сдачи и он побежал бы менять мои деньги